

Н. М. ЯЗЫКОВ

Публикация П. Д. Ухова

Вступительная статья и комментарии А. Д. Соймонова

«Главное и единственное занятие и удовольствие составляют мне теперь русские песни,— писал Н. М. Языков 12 июля 1831 г. брату Александру. — П. Киреевский и я, мы возымали почтенное желание собирать их и нашли довольно много еще не напечатанных и прекрасных. Замечу мимоходом, что тот, кто соберет сколько можно больше народных наших песен, сличит их между собою, приведет в порядок и проч., тот совершит подвиг великий и издаст книгу, коей нет и быть не может ни у одного народа, положит в казну русской литературы сокровище неоценимое и представит просвещенному миру чистое, верное, золотое зеркало всего русского»¹. Эти строки можно рассматривать как фольклористическое кредо Языкова, поэта-романтика, ставшего деятельным помощником Киреевского в собирании песен. Письмо было отправлено из Ильинского, подмосковной дачи Елагиных, где Языков провел лето 1831 г. и где он вслед за Киреевским начал записывать народные песни. В этот переломный для творчества Языкова период окончательно формируются его взгляды на фольклор.

Становлению и развитию фольклоризма Языкова уделялось недостаточное внимание в истории литературы². Собираание им народных песен было следствием глубокого интереса поэта к национальной старине и самобытности, характерного для всей русской литературы первой четверти прошлого века.

Проблемы народной словесности волнуют Языкова уже в начале его творческого пути и в особенности в дерптский период (1828—1829 гг.). Непосредственным стимулом к этому явилось увлечение поэта идеями оссианизма. Эти идеи Языков усваивает от своих предшественников и современников поэтов-романтиков, отдавших дань общему увлечению Оссианом, господствовавшему в Западной Европе и в России в конце XVIII — начале XIX вв.

Уже в первом появившемся в печати стихотворении Языков воспевает Оссиана, вдохновенного певца древности:

Какой огонь тогда блистал
В душе моей обвороженной,
Когда я звучный глас внимал,
Твой глас, о бард священный,
Краса певцов, великий Оссиан!³

Но древние кельтские сказания, ставшие известными всему миру благодаря поэмам Макферсона, не могли исчерпать интереса Языкова к старине и народным традициям. Он ищет в русской истории и средневековой литературе сюжеты и образы народного эпоса, которые стремится воплотить в своем творчестве. В его произведениях появляется образ древнерусского певца Баяна. Баяну поэт посвящает многие из своих произведений 1820-х годов: «Песнь Баяна» («Война, война! Прощай, Сияна!..»), «Баян к русскому воину», «Песнь Баяна» («Люблю смотреть на месяц ясный...»), песни Баяна в неоконченной поэме «Услад», героем которой должен стать певец и воин. Интерес к национальной старине сказывается и во многих стихотворениях Языкова этого периода. Поэт стремится изобразить

Славян пленительные нравы:
Их доблесть на полях войны,
Их добродушные забавы
И гений русской старины...⁴

В середине 1820-х годов Языков создает целый цикл исторических баллад о борьбе с татаро-монгольскими завоевателями, и в центре его находится образ народного певца. Таковы его произведения: «Песнь барда во время владычества татар в России», «Баян к русскому воину» и другие.

В эти же годы Языков обращается к произведениям народной поэзии. Он заинтересовался скандинавскими сагами и делает вольный перевод одной из них «Песня короля Регнера», выписывает к себе в Дерпт собрание русских сказок Левшина, сборник Кирши Данилова, Цертелева и других⁵. Интерес к русской народной песне сказывается в задуманной им, но неоконченной поэме «Разбойники», где слышатся отголоски волжских песен о вольных людях, песен, которые он слушал у себя на родине в Симбирской губ.

Решающее значение в развитии фольклористических интересов Языкова до его встречи с Киреевским имело его близкое общение с Пушкиным. Эстетические позиции Пушкина и Языкова были различны. Путь, который прошел Пушкин от романтизма своих ранних произведений к реализму, оказался недоступным Языкову. «Я не желал бы сочинять то, что знаю из „Онегина“, — писал Языков, считая, что это «самое худое из произведений Пушкина»⁶. Однако отношение Пушкина к Языкову было, как известно, иным. Пушкин видел в нем своего соратника, талантливого поэта, ценил его вольнолюбивые стихи. Пушкину были понятны и творческие искания Языкова как поэта-романтика.

Для фольклоризма Языкова большое значение имела жизнь в Тригорском летом 1826 г., когда он постоянно встречался с Пушкиным. С пребыванием в Тригорском связаны одни из лучших стихотворений поэта: «А. С. Пушкину», «Тригорское», «К няне А. С. Пушкина», послания П. А. Осиповой, А. Н. Вульфу и другие. В этих произведениях особенно сказывается богатство и своеобразие его стиха, которое высоко ценили современники. Именно в Тригорском во время свободных, дружеских бесед с Пушкиным Языков смог оценить прелесть и красоту народного поэтического творчества не только как памятника старины, но и как живой поэзии народа. В этом отношении встреча с Пушкиным, вечера, проведенные в Михайловском в присутствии няни Пушкина, были для него откровением. Вспоминая о них в стихах, посвященных памяти Арины Родионовны, Языков пишет: «Со мной беседовала ты, / Влекла мое воображенье...»⁷ Несомненное влияние на пробуждение его интереса к живым народным традициям оказало то обстоятельство, что Пушкин во время пребывания Языкова в Тригорском записывал фольклор. О хождении Пушкина по ярмаркам, где он слушал народных певцов, Языков мог знать еще раньше от Вульфа. Все это помогло Языкову подойти с новых позиций к проблеме фольклора. Во всяком случае, проведя лето в Тригорском, Языков начинает еще более ценить художественные достоинства русской народной поэзии. Обращаясь к фольклорным сборникам, он ставит перед собой определенные задачи. В одном из писем этого периода он сообщал брату Александру: «Читаю русские сказки: жаль, что это собрание их чрезвычайно глупо, бестолково, неполно и переиначено на новый лад. Из них можно составить предприятие знаменитое — только надобно прежде перечитать все другие собрания сего рода, чтоб узнать истинный дух старины глубокой, напиться им и явить свету произведение самостоятельное, своенародное...»⁸

В 1830-е годы окончательно определяются взгляды Языкова на народную поэзию. Они формируются на основе идеалистических теорий реакционного романтизма. Известное влияние на него оказывает изменившаяся общественно-политическая обстановка в стране, судьба движения декабристов и декабристской идеологии. К этому времени Языков решительно отходит от своей вольнолюбивой поэзии, стремясь занять активную позицию в борьбе за новые идеалы, которые он ищет в русской старине. Это находит отражение в ряде его произведений, имевших для него программное значение. В стихотворении «Ау!» поэт восклицает:

О! проклят будь, кто потревожит
Великолепье старины;
Кто на нее печать наложит
Мимоходящей новизны!⁹

Н. М. ЯЗЫКОВ

Литография с рисунка Г. Корнцеллуса, 1841

Литературный музей, Москва

В эти же годы, живя в Москве, Языков продолжает довольно часто встречаться с Пушкиным. «Пушкин у Весселя * часто бывает», — пишет его брат Александр П. М. Бестужевой¹⁰. Они видятся у Елагиных и в других литературных салонах Москвы, ездят вместе к цыганам, увлекаясь «поэзией московского жителя»¹¹. Во время этих встреч Языков, как известно из его переписки, узнает о многих творческих замыслах Пушкина, и в том числе о работе Пушкина и С. А. Соболевского над сборником народных песен. При таких обстоятельствах и именно в 1831 г. у Языкова возникает идея создать свое собрание песен, в котором он надеялся найти «золотое зеркало» русской старины и превзойти начинание Пушкина. К тому времени из Мюнхена в Москву возвращается Киреевский, который был уже привлечен Соболевским к собиранию песен для Пушкина. Участие в этом деле Киреевского, к которому вскоре переходят все фольклорные материалы, собранные Пушкиным и Языковым, решило дальнейшую судьбу задуманного ими собрания песен¹². Но фольклористическая деятельность Языкова не ограничилась собиранием песен, что ему давалось с большим трудом. «Не могу записывать сам, — писал он брату, — запишу со слов и не все, а потом ничего не разберу»¹³. Языков стал замечательным организатором собирательской работы.

В 1830-е годы передовая интеллигенция областных культурных гнезд проявляет живой интерес к собиранию произведений народного творчества. Внимание к народному поэтическому искусству, которым раньше нередко пренебрегали, было обусловлено ростом национального самосознания, пробуждением глубокого интереса к истории народа и судьбам родины. В центре общественной и культурной жизни стояла проблема народности, которая приобрела особое значение после восстания декабристов. Литературное движение эпохи, борьба вокруг проблемы народности различных литературных направлений стимулировала развитие интереса к народной поэзии.

Семья Языковых была хорошо осведомлена в вопросах литературной и культурной жизни своего времени благодаря широким научным и литературным связям. Старший из братьев — Петр Михайлович, видный ученый, геолог и горячий поборник изучения своего края, был создателем Симбирского губернского естественно-исторического музея, одного из первых областных музеев в России. Большое участие в этом принимал и Александр Михайлович Языков.

К своим братьям и обратился Н. М. Языков в 1831 г., призывая собирать народные песни, и встретил с их стороны горячий отклик. Вскоре в эту работу была втянута вся семья Языковых и их родственники: Н. А. Языкова, Е. П. Языкова, П. М. Бестужева, Ек. М. Хомякова и Д. А. Валув. Общими усилиями в течение 1830—1840-х годов Языковы создали огромную коллекцию фольклорных записей, главным образом исторических и лирических песен, собранных в Симбирской, Уфимской и Оренбургской губ. С 1833 г. все эти материалы начали поступать в полное распоряжение Киреевского.

Наиболее ценными явились записи обоих братьев Н. М. Языкова. Александр Михайлович Языков (1799—1874) первым среди обширного круга собирателей фольклора, сгруппировавшихся вокруг Киреевского, начал записывать песни в Среднем Поволжье, а также на берегах Камы, Белой и в прочих «местах самых надежных», — как сообщал об этом Н. М. Языков В. Д. Комовскому¹⁴. Он открыл в этих местах эпическую поэзию, записал там ценные и редкие варианты былин. Там же была собрана им большая коллекция исторических песен, включающая в себя почти все известные в науке сюжеты, в том числе такие редкие, как «Осада Пскова», интересные тексты разинских песен, песен Отечественной войны 1812 г. и другие. А. М. Языковым была также собрана богатейшая коллекция народной лирики, песен оренбургского казачества, духовные стихи. Часть его записей не сохранилась, некоторые появляются в печати только теперь, в настоящем томе, но и то, что было известно ранее и стало известно теперь, характеризует его как выдающегося собирателя фольклора.

Не менее значительным явился вклад в Собрание песен Киреевского Петра Михайловича Языкова (1798—1851). К изучению и собиранию фольклора П. М. Языков подошел как историк, что способствовало выявлению им ценнейших материалов, в осо-

* Вессель — домашнее прозвище Языкова. — *Ред.*

А. М. ЯЗЫКОВ

Рисунок карандашом А. Б. Гибали, 9 июня 1837 г.
Литературный музей, Москва

бенности исторических песен. Работу по записи фольклора он начал позднее братьев, но вскоре встал фактически во главе ее. Это нашло отражение в известной «Песенной прокламации» Киреевского, в которой было указано имя П. М. Языкова. «Песенная прокламация» явилась первым в русской фольклористике документом, излагавшим научные принципы записи произведений народной поэзии. В ней были четко сформулированы задачи, стоящие перед собирателями фольклора. Воззвание Киреевского заканчивалось словами: «Надеясь, что соотечественники наши примут участие в этом общественном деле <т. е. в собирании фольклора.— А. С.>, мы покорнейше просим доставлять стихи и песни в г. Симбирск на имя г. гиттенфервальтера Петра Михайловича Языкова»¹⁵. Воззвание это было напечатано в апреле 1838 г. в «Симбирских губернских ведомостях» и перепечатано Святославом Раевским в октябре того же года в «Олонекских губернских ведомостях» с сохранением в тексте имени П. М. Языкова¹⁶. Благодаря этой публикации деятельность Языкова как фольклориста получила широкую известность, и к нему стали поступать материалы не только с Поволжья, но и с севера России.

Как ученый, историк и этнограф, П. М. Языков испытал непосредственное влияние прогрессивных идей. Именно этим объясняется то, что он начал записывать фольклор крестьянских войн и восстаний. Ему принадлежат уникальные записи песен о Пугачеве¹⁷. Известную роль в этом сыграло его знакомство с Пушкиным. В 1833 г. Пушкин совершил длительное путешествие по Волге и Уралу, собирая материал для «Истории Пугачева». Во время этой поездки Пушкин посетил местных ученых, этнографов и краеведов. В Казани он был у известного знатока края, профессора Казанского университета К. Ф. Фукса, в Симбирске дважды был у Языковых, в Оренбурге его повсюду сопровождал В. И. Даль, служивший тогда чиновником особых поручений при генерал-губернаторе. Беседы с П. М. Языковым произвели большое впечатление на поэта. Пушкин писал из с. Языково (под Симбирском) жене: «Здесь я нашел старшего брата Языкова, человека чрезвычайно замечательного...»¹⁸. В разговорах с Языковым Пушкин, несомненно, касался материалов о Пугачеве, что составляло глав-

ную цель его поездки. Таким образом, деятельность Языкова как фольклориста проходила в тесной связи с передовым общественным движением эпохи.

Фольклористическая деятельность Языковых особенно интенсивно развивалась в 1832—1838 гг., когда Н. М. Языков, уехав из Москвы, поселился в своем симбирском имении. В то же время это был очень трудный период в жизни и творчестве поэта. Болезнь, подавленное состояние, попытка найти утешение в религии крайне отрицательно сказались на его творчестве. Задумав перед отъездом в деревню работу над большими произведениями, он не только не осуществил своих замыслов, но вообще очень мало писал. Обильные фольклорные материалы, тексты народных песен, которые поступали к нему от братьев, сестер и знакомых, не вдохновляли его. Сказки, написанные им в деревне, имели очень мало общего с народной поэтической традицией¹⁹. В отличие от Пушкина, который, обращаясь к народной песне, всякий раз видел в ней неиссякаемый источник для своих произведений, Языков все дальше отходил от творческого освоения народной песни. Его восприятие фольклора, основанное на идеалистических концепциях реакционного романтизма, не имело ничего общего с народными идеалами и реальными фольклорными традициями²⁰.

К лучшим произведениям Языкова этого времени относятся его лирические стихотворения, в особенности поэтические послания. Среди них есть послание П. В. Киреевскому, мимо которого не может пройти ни один фольклорист. Оно начинается словами:

Где бы ни был ты, мой Петр, ты должен знать, где я
Живу и движусь? Как поэзия моя,
Моя любезная, скучает иль играет,
Бездействует иль нет, молчит иль распевает?..

В первой части этого большого послания поэт говорит о своей привольной жизни в деревне, о новом пути в поэтическом творчестве и желании написать «что-нибудь большое», желания, которое так и осталось не выполненным. Поэт зовет к себе друга, его послание написано в возвышенно-лирическом тоне, в нем идеализируется свобода деревенской жизни, что столь характерно для романтической поэзии. Во второй части Языков создает поэтический образ своего друга, образ, который впоследствии стал достоянием литературы о Киреевском:

Но где же ты, мой Петр, скажи? Ужели снова
Оставил тишину родительского крова,
И снова на чужих, далеких берегах
Один, у мыслящей Германии в гостях,
Сидишь, препогружен своей послушной думой
Во глубь премудрости туманной и угрюмой?
Или спешишь в Карлсбад здоровье освежать
Бездельем, воздухом, движеньем? Иль опять,
Своенародности подвижник просвещенный,
С ученым фонарем истории, смиренно
Ты древлерусские обходишь города,
Деятелен и мил и одинак всегда?
О! дозовусь ли я тебя, мой несравненный,
В мой края и в мой приют благословенный?..²¹

Образ Киреевского, созданный Языковым, романтичен. В нем особенно подчеркнут интерес к национальной старине и самобытности. Именно в этом направлении Языков старался повлиять на фольклористическую деятельность Киреевского.

Последние годы жизни Языкова, проведенные главным образом за границей, не оставили заметного следа в его деятельности как фольклориста. Он проявлял большое беспокойство об издании песен Киреевского, но, как теперь стало известно из публикуемых нами материалов и его переписки, это не дало никаких положительных результатов²². Языков умер в 1846 г., не дождавшись издания песенного собрания Киреевского. Но вклад его в это Собрание как организатора записи песен Поволжья был очень значительным.

Деятельность Языковых — одна из ярких страниц в истории русской фольклористики первой половины прошлого столетия: Языковы вошли в число главных участников Собрания Киреевского, заложившего основы русской науки о фольк-

«ЧЕРНА ЯГОДКА СМОРОДИНКА ...»
 ЗАПИСЬ,
 СОХРАНИВШАЯСЯ В КОЛЛЕКЦИИ
 ЯЗЫКОВЫХ,
 конец 1830-х — начало
 1840-х годов
 Библиотека СССР им. В. И. Ленина,
 Москва

Черна ягодка смородинка
 Зелени конка по бокама,
 Во нугежки перевзала,
 Под дурдакит разбрисала,
 Но той бокашой дурдакитет
 Колесо в нугежки с товарищев,
 Со шиль Понда, Мотка дурдакитет,
 Мило то сета Залорина,
 Кв тому сету Шреметеву,
 Кв тому дору ко мажор кошу,
 Ко мажор кошу, Шреметеву.
 Выходит мажор со мажор сего,
 Вносил в свою золоту казу,
 Умалит они разбойников,

лоре. Фольклористические занятия Языковых были связаны с решением больших проблем. Они участвовали в создании научной методики записи фольклора, что нашло отражение в их собирательской работе и в «Песенной прокламации», излагавшей принципы этой работы и сохранившей имена Н. М. и П. М. Языковых как ее организаторов. Обращение Языковых к собиранию фольклора было связано с постановкой проблемы народности, занявшей центральное место в общественной и литературной жизни первой половины XIX в., в особенности после восстания декабристов. Несмотря на идеалистический и романтический подход к решению этой проблемы, Языковы правильно воспринимали фольклор как элемент национальной культуры, как «народную литературу», рассказывающую о жизни и историческом прошлом народа. Уважая «сановитую древность» в фольклоре, Языковы собрали ценнейшие произведения народной поэзии. Эта «древность» звучала современно; она рассказывала о положении народных масс в условиях крепостного режима, выражая протест против рабства и произвола. В этом отношении материалы Языковых представляют особый интерес: ведь они были записаны в таких центрах крестьянского движения, как Оренбургская и Симбирская губернии. Эти произведения народной поэзии по своей идейной направленности были чужды и враждебны существующему строю и не могли получить официального признания.

Запись таких произведений отражала прогрессивные тенденции в науке того времени. И хотя Н. М. Языков в 1840-е годы выступал против передовых кругов русской интеллигенции, его фольклористические занятия 1830-х годов носили прогрессивный характер. В этом нашли отражение противоречия эпохи, наложившие яркий отпечаток на деятельность Языковых.

Как исследователи и собиратели фольклора, Языковы наталкивались на сопротивление царского правительства и реакционных кругов, ставивших всяческие препятствия их деятельности. Именно этим объясняется неудача с изданием песенного Соб-

рания Киреевского, которому Языковы передали свои записи. Даже попытка опубликовать незначительную часть этого Собрания — духовные стихи — встретила противодействие царской цензуры, которая запретила их публикацию (подробнее об этом — см. стр. 56—62 настоящ. тома). Безжалостно обошлась реакционная фольклористика с наследием Языковых. Несмотря на это, вклад Языковых дает им право занять видное место в истории науки о фольклоре.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ ИРЛИ, архив Языковых, ф. 348, 19.4.11, л. 22.

² Основные работы о фольклоризме Языкова принадлежат М. К. Азадовскому, которого интересовало главным образом участие поэта в Собрании песен Киреевского. Азадовский первый среди советских фольклористов обратился к изучению архива Языковых, опубликовав ряд ценных документов. Однако дальнейшее изучение этого архива и рукописного наследия Киреевского привело к пересмотру некоторых гипотез, выдвинутых Азадовским, в частности, вопроса о начале собирательской деятельности Киреевского и роли Языкова (см. в настоящ. томе, стр. 48—52, 142). Основные работы Азадовского, освещающие деятельность Языкова как фольклориста: Письма П. В. Киреевского к Н. М. Языкову. Ред., вступ. статья и коммент. М. К. Азадовского. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1935, стр. 3—86 (вступительная статья к этим письмам под заглавием «Киреевский и Языков. (Страница из истории русской фольклористики)» вошла в кн.: М. К. Азадовский. Литература и фольклор. Очерки и этюды. Л., Гослитиздат, 1938, стр. 133—153). Коротко касается Азадовский этой проблемы и в своей «Истории русской фольклористики», т. I. М., 1958, стр. 334—335.

³ Послание к Кулибину.— Н. М. Языков. Полн. собр. стих. Вступ. статья, подготовка текста и прим. Р. К. Бухмейер. М.—Л., 1964, стр. 56 (Библиотека поэта. Большая серия). В дальнейшем даются ссылки на это издание.

⁴ Посвящение А. М. Языкову.— Там же, стр. 70.

⁵ В письмах Языкова к родным дерптского периода постоянно встречаются просьбы и благодарности за высылку фольклорных изданий. «Вульф пишет мне, что ты повез с собою великое множество летописей, сказок, записок о жизни Петра Первого, песенников,— обращается он к брату Александру в одном из писем.— <...> благодарю тебя всею душою и всеми помышлениями моими» («Письма Н. М. Языкова к родным за дерптский период его жизни (1822—1829)». Под ред. и с объяснительными прим. Е. В. Петухова. СПб., 1913, стр. 361).

⁶ «Письма Н. М. Языкова к родным...», стр. 156—157.

⁷ Н. М. Языков. Полн. собр. стих., стр. 297.

⁸ Речь идет, очевидно, о сборнике сказок В. А. Левшина (приписываемом Чулкову), который Н. М. Языков получил от брата («Русские сказки, содержащие древнейшие повествования о славных богатырях, сказки народных и прочие, оставшиеся через пересказывания в памяти, приключения»). Соч. М. Чулкова. 10 частей. М., 1780—1783; изд. 3-е, сокращенное: 6 частей. М., 1820).

⁹ Н. М. Языков. Полн. собр. стих., стр. 311.

¹⁰ Д. Н. Садовников. Отзывы современников о Пушкине.— «Исторический вестник», 1883, № 12, стр. 529.

¹¹ Н. М. Языков. Полн. собр. стих., стр. 369 («Весенняя ночь»).

¹² См. об этом в настоящ. томе, стр. 180—181.

¹³ ИРЛИ, ф. 348, 19.4.13.

¹⁴ Из неизданной переписки Н. М. Языкова. Публикация М. К. Азадовского.— «Лит. наследство», т. 19-21, 1935, стр. 46.

¹⁵ А. Д. Соимонов. «Песенная прокламация» П. В. Киреевского.— «Советская этнография», 1960, № 4, стр. 148.

¹⁶ «Олонецкие губернские ведомости», 1838, 15 октября. Прибавления.

¹⁷ П. М. Языковым записаны наиболее яркие и редкие песни о Пугачеве: «Судил тут граф Панин...», «В тем сударыня простила...» (СС, в. 9, стр. 248, 245—246). В некоторых современных изданиях ввиду отсутствия определенной паспортизации эти песни ошибочно приписаны А. М. Языкову (например, А. Н. Лозанова. Пугачев в Среднем Поволжье и Заволжье. Куйбышев, 1947, стр. 171—173 и др.).

¹⁸ Пушкин, т. XV, стр. 80 (письмо от 12 сентября 1833 г.).

¹⁹ См. И. П. Лупанова. Русская народная сказка в творчестве писателей первой половины XIX века. Петрозаводск, 1959, стр. 440—450.

²⁰ См. об этом выше, стр. 58—60.

²¹ Н. М. Языков. Полн. собр. стих., стр. 340—342.

²² См. стр. 61—63 настоящ. тома.

№ 1

Не шуми, мати зеленая дубрава!
 Не мешай ты мне, доброму молодцу, думу думати.
 Как заутра мне, доброму молодцу, во допрос ийти,
 Во допрос ийти к самому царю.

И станет меня государь спрашивать:
 — Ой ты гой еси, детинушка, крестьянский сын!

Ты скажи мне правду истинну,
 С кем ты воровал, с кем разбой держал?
 И много ли у тебя было товарищей?

¹⁰ Как возгóворит детинушка, крестьянский сын:

— Я скажу тебе, надёжа, правду истинну:
 Первой мой товарищ — ночка темная,
 Другой товарищ — конь-добра лошадь,
 Третий мой товарищ — сабля острая,
 А четвертой мой товарищ — булатной нож,
 Пятой мой товарищ — то мой тугий лук,
 Каленья стрелы на рассылочках.
 Куда их пошлю, и сам туда нейду.

Как возговорит надёжа православный царь:

²⁰ — Исполать тебе, детинушка, крестьянский сын!

Умел ты воровать и умел ответ держать.
 Я пожалую тебя хоромцами,
 Хоромцами некрытыми,
 Об двух столбах с перекладиной.

№ 2

Не шуми ты, мать зеленая дубровушка!
 Не мешай ты мне, доброму молодцу, думу думати,
 И так мне крепка думушка с ума нейдет,
 Со великого с крепка разума.

Что заутра мне, доброму молодцу, во допросе быть,
 Во допросе быть, пред судьёю стоять,
 Пред грозным судьей, пред самим царем.

Станет же православный царь меня крепко спрашивать:

— Ты скажи, скажи, детинушка, крестьянский сын!

¹⁰ Ах, ты с кем воровал, с кем разбой держал?

— Воровало нас; разбивало всего пятеро:
 Первой товарищ — ружье цельное,
 Другой-то товарищ — копьё вострое,
 А третий товарищ — калена стрела,
 Четвертой товарищ — сабля вострая.
 — Исполать тебе, детинушка, крестьянский сын!

Ты горазд воровать, горазд разбой держать.

Стану я тебя, детинушка, много жаловать.

Я пожалую тебя, детинушка, красными релями,

²⁰ Петлями шелковыми.

№ 3

Не шуми, мати зеленая дубрава!
 Не мешай ты мне, доброму молодцу, думу думати.
 Как заутра мне, доброму молодцу, в допросе быть,
 Пред судом стоять перед самим царем.

Еще как же мне, доброму мѳлодцу, ответ держать?
 Еще станет меня государь-царь допрашивать:
 — Ты скажи, не утай, добрый мѳлодец,
 С кем воровал, с кем разбой держал?
 Еще кто у тебя, добрый мѳлодец, товарищ был?
 10 — Было у меня, у молодца, три товарища:
 Первый товарищ — конь-добрѳ лошадь,
 А другой товарищ — сабля вострая,
 Третий товарищ — борзой кобель.

№ 4

Не сон-то клонит головушку, не дрема валит,
 А валит-клонит кручинушка со двора меня.
 Почуило у молодца ретиво сердце:
 Заутро мне, доброму молодцу, во допросе быть,
 Стоять-стоять доброму молодцу
 Пред грозной судьей — пред самим царем.
 Поймали же добра молодца в зеленом саду
 И брали доброго молодца за белы руки,
 Повели в полаты белокаменны,
 10 — Во те же полаты в гронавитыя
 В одной тоненькой сорочке без пояса,
 В одних чулках без чоботов.
 Становили добра молодца на дубовой пол.
 Стоит добрый молодец, сам не тряхнетя,
 Русы кудерушки не шалохнутя,
 Он и речь-то говорит, не ужахнется.
 Оне стали доброго молодца крепко спрашивать:
 — Ты скажи-скажи, удалой доброй молодец,
 С кем ты воровал, с кем разбой держал?
 20 — Ой еси, князья, боярюшки,
 Главнейшие московские сенаторушки,
 Не вам бы меня судить, добра молодца,
 Не вам спрашивать,
 А спрашивать меня, добра молодца, самому царю.
 Воровал-то я, доброй молодец, сам собой,
 Атаманушка был булатный нож,
 А есаулушка — сабля вострая,
 А скоры послы — кленовы стрелы.

№ 5

Не шуми, мати зеленая дубрава!
 Уж я рада бы, дубровушка, не шумела,
 Шумят-то, гремят разбумажные мои листочки.
 Не мешайте мне, доброму молодцу, думу думати.
 Еще был я, добрый молодец, вор-разбойничек.
 Заутра мне, доброму молодцу, в допросе быть,
 Стоять-то мне, доброму молодцу, перед самим царем
 Перед самим царем, перед его лицом.
 Станет меня царь спрашивати:
 10 — Ах ты ой еси, вор-разбойничек!
 Где воровал, где разбой держал?
 — Воровал-то я во чистом поле,
 Разбой держал на синем море.

- Еще кто у тебя, у доброго молодца, был атаманушкой?
 - Атаманушкой у молодца была сабля вострая.
 - Еще кто у тебя, у доброго молодца, был есаулушкой?
 - Есаулушкой у доброго молодца было ружье огненно.
 - Кто у тебя, добрый молодец, был рассыльщиком?
 - Рассыльщиком — мелки пушечки,
- ²⁰ Мелки пушечки, свинцовые ядрышки.

№ 6

Над горой, горой было над высокою,
 Над долинушкой над широкой,
 Над дубровушкой над зеленой.
 Взойди, взойди, красно солнышко,
 Взойди, солнце, высокохонько,
 Обогрей ты нас, добрых мѳлодцов,
 Добрых молодцов, сирот бедных,
 Сирот бедных, солдат беглых,
 Безодежных, беспачпортных.

¹⁰ Как повыше села Лыскова,
 А пониже города Нижнего

ПОЮЩИЕ СЛЕПЦЫ

Акварель И. А. Ерменева, 2-я половина XVIII в.

Русский музей, Ленинград

Протекала тут быстра реченька,
 Быстра реченька Волга-матушка.
 Выбегала тут легка лодка,
 Разлегкая лодка воровска.
 Да всем лодка изукрашена,
 Молодцами изусажена.
 Молодцы-гребцы весёлые,
 Мы не воры, не разбойнички,—
²⁰ Государевы охотнички.
 На корму-то сидел атаман с веслом,
 На носу-то сидел есаул с ружьем,
 А гребцы, добры молодцы, по краям сидят,
 Посерёд лодки красна девица,
 Атаманова полюбовница,
 Есаулова родная сестрица.
 Не хорош-то ей сон привиделся во сне:
 Атаману быть повешену,
 Есаулу быть расстреляну,
³⁰ Молодцам-гребцам во тюрьме сидеть,
 А мне, девушке, быть на волюшке,
 На родимой на сторонюшке,
 У родимого у батюшки.
 Добры молодцы испугалися,
 В разны стороны разбежались *.

№ 7

Как по морю, морю синему
 Тут бегут-плывут два кораблика,
 Два кораблика, третья лодочка,
 А на лодочке восемь мблодцев,
 А девятый-то атаманушка,
 А десятая красна девица.
 Она плачет, как река льется,
 Слезы катятся, как валы бьются,
 Возрыдает она, как ключи шумят.

№ 8

Не белая лебедь со степи летит,
 Душечка девушка с полону бежит.
 Что бежит девушка, не оглянется,
 На ней кунья шуба раздувается,
 Жерелочик на ней чернеется.
 За ней-то гонят в погонюшки,
 В погонюшки двое молодцев,
 Двое молодца, оба не русские,
 Оба не русские, они турецкия.
¹⁰ Не догнавши девушку, похвалялися:
 — Мы догоним ее среди степи,

* П р и м е ч а н и е. Село Л ы с к о в о, которое поминается в этой песне, лежит в 3 верстах от Волги, на ее нагорном берегу, при устье речки С у н д о в и к и, почти против самого города М а к а р ь е в а. Оно замечательно как по числу жителей, так и по значительным торгам, которое оно ведет мукою и тамошним так называемым м а к а р ь е в с к и м полотном (см. Щ е к а т о в а Геогр. слов. Росс. имп.). В Лыскове есть также хорошая пристань. <Прим. Киреевского.>

Б. Ты взойди, взойди, солнце красное!
(Саратовская)

А. Т. Гречанинов

Частейшая

1. Ты взойди, взойди, солнце красное!
2. Ты взойди, взойди, солнце красное!
3. Ты взойди, взойди, солнце красное!
4. Ты взойди, взойди, солнце красное!
5. Ты взойди, взойди, солнце красное!
6. Ты взойди, взойди, солнце красное!
7. Ты взойди, взойди, солнце красное!
8. Ты взойди, взойди, солнце красное!
9. Ты взойди, взойди, солнце красное!
10. Ты взойди, взойди, солнце красное!
11. Ты взойди, взойди, солнце красное!
12. Ты взойди, взойди, солнце красное!
13. Ты взойди, взойди, солнце красное!
14. Ты взойди, взойди, солнце красное!

«ТЫ ВЗОЙДИ, ВЗОЙДИ, СОЛНЦЕ КРАСНОЕ...»
Запись мелодии для хора А. Т. Гречанинова. Автограф
Музей музыкальной культуры им. М. И. Глинки, Москва

Среди-то степи Саратовской,
Мы изрубим ее тело белое,
Тело белое в мелки чѣсточки,
Мы раскидаем его по чисту полю.
Растерзают тело черны вѣроны.

№ 9

Далече-далече во чистом поле,
Еще подале во раздольице,
Во славном было во городе Уральским,
У той же у церкви у соборной,
У того же креста позлаченного
Сходились казаки-братцы во единый круг,
Они думали крепку думушку заединую.
— Гой еси,— возговорит главный старшинушка.—
Гой еси вы, удалы добры молодцы,
¹⁰ Станем же Ляксеюшке поклонимся,
Станем же Митрасову покучимся:
— Гой еси ты, Алексеюшка Митрасов сын,
Сослужу ты службу великую,

- Сядь-ка ты, Лексей, на добра коня,
 Съезди ты, Лексей, во дикую степь
 За дикими зверями, за карсаками.—
 И возговорит Лексеюшка Митрасов сын:
 — Гой еси вы, удалы добры молодцы,
 Не мне бы, Лексеюшке, конем владать,
 20 Не мне бы, Митрасову, поход держать,
 Эти меня походушки состарили.
 Далече-далече во чистом поле,
 Еще подале во раздольице,
 Сходились башкиры во единый круг,
 Они думали крепку думушку заединую,
 Выбирали атаманушку походнова,
 Выбирамши атамана, уряжать стали,
 Уряжали атаманушку хорошехонько,
 Кольчугу надевали во тысячу,
 30 А шапочка на Багае во пятьсот рублей,
 А конь-то под Багаем, как лютый зверь,
 А сабля у Багая, как бела заря,
 А тугой лук, как светел месяц,
 Каленны стрелы, как часты звезды.
 Возговорит атаманушка Багаюшка:
 — Гой еси ты, моя силушка неверна, несметная,
 Где нам до Крыма, молодцам, зимá зимовать?
 — Зима зимовать по Кутьме-реке,
 Обставим мы Кутьму-реку из устья до вершинушки,
 40 Не много нас не мало — сорок тысячев.
 Поехали добры молодцы по Кутьме-реке,
 Казаченьки добры молодцы пятьсот человек.
 Стали подъезжать ко Кутьме-реке —
 Навстречу добрым молодцам сизой орел, птица вещая,
 Провещует человеческим голосом:
 — Гой еси вы, удалы добры молодцы,
 Не ездите ко Кутьме-реке,
 Стоит силушка неверная, неверная, несметная.—
 Не послушали добры молодцы птицы вещия,
 50 Стали подъезжать ко Кутьме-реке,
 Задернули решетоцки железныя.
 Они билися-рубилися трое сутокки,
 Не пиваючи, не едаючи, со добрых коней не слезаючи.
 Побили силушку неверную, несметную,
 Остается один атаманушка Багаюшка.
 Возговорит атаманушка:
 — Гой еси ты, казачий атаманушка,
 Покинь хоть на семяны,
 Что хошь бери с нас цветна платья и золотой казны.—
 60 И возговорит казачий атаманушка:
 — Не надо нам ни цветна платья, ни золотой казны,
 С тебя, с собаки, голова долой!

№ 10

У нас-то было, братцы, на Яйке на Горыниче,
 На государевой большой площади,
 У собора было, братцы, у церкви,
 У чюдного креста позолóченного.

- Не ясные соколы в место слетались,
 Соезжалось наше войско всё яицкое.
 Они думали думу крепкую заединое,
 Выбирали они атаманушку походного,
 Алексея Иваныча, сына Митрясова:
- ¹⁰ — Ой ты гой еси, старинушка, старый казак,
 Алексей Иваныч, Митрясов сын!
 Мы поклонимся тебе белым лицом ко сырой земле,
 Сослужи-ка нам службу немалую,
 О х т ы с ъ е з д и * нам в запольную дальнюю сторону
 За дикими зверями за к о р с á к а м и *.
 Тут возговорит старой казак:
 — Ох вы гой еси, козаченьки, добрые молодцы,
 Не можно ли вам меня, братцы, оставить?
 Не могу-то я, старой казак,
- ²⁰ Сам конем владеть:
 Не ходят у старова резвы ноженъки,
 Не владеют у старова белы рученьки.

№ 11

- Ты злодей, злодей, земляна тюрьма,
 Не для меня, добрава молодца, крепко строена,
 А понче мне, доброму молодцу, пригодилась.
 А дотолева ты, тюрьма, людьми людна,
 А понче ты, земляна тюрьма, пустым-пуста,
 А понче мне, доброму молодцу, пригодилась,
 Один-то я, добрый молодец, во тебе сижу
 Ровно тридцать лет и три года.
 Проявилась во русых кудрях сединушка,
- ¹⁰ А бородушка у молодца ровно белой лен.
 По двору, по дворочку государеву
 И ходит-гуляет тут православный царь
 Петр Алексеевич.
 Он увидел невольничка во неволюшке:
 — О гой еси, все мои затюремные
 Главные сторожи,
 Что ето гуляет за невольничек?
 И возговорит удалой доброй молодец:
 — Я сижу во неволюшке и тридцать лет и три года,
- ²⁰ И появилась во моих во русых кудрях сединушка,
 Бородушка ровно белый лен.
 И возговорит православной царь Петр Алексеевич:
 — И воля тебе прощает, сударь жалует,
 Выпусти доброго молодца из неволюшки.

№ 12

Далече-далече во чистом поле,
 Еще тово подале во раздольице
 Пролегала тут широкая дороженька,
 Широкая она, дороженька, не широка,
 Боем-то она, дороженька, пробойста.
 По той ли по широкой по дорожиньке

* Слова, выделенные разрядкой, вписаны Киреевским.— *Ред.*

Н. М. ЯЗЫКОВ

Рисунок неизвестного художника (сепия), конец 1840-х годов
Литературный музей, Москва

Хоть возьму молодую жену,
И будет она тебе не родная мать,
Не родная мать, лиха мачиха.

№ 14

Как во городе было во Астрахани,
Тут жила-была молода вдова;
Как у этой-то у вдовы
Было восемь сынов, а девятая дочь.
Братцы сестрицу возлелеяли,
Возлелеявши, замуж выдали
Уж как за море-то за морянина,
Сами-то в разбой пошли.
Жила их сестрица
¹⁰Ровно девять лет за морянином;
Поживши она за морем,
Сыночка родила,
С морянчиком в гости поехала к матушке;
Поехавши, она встретила
Со своим братцам, с разбойникам.
Они же, не узнав ее,
Моряничка в воду бросили,
А морянушку в полон взяли.
Семь же разбойников спать легло,

- 20 Старшему же спать не хочется,
Он стоит да богу молится.
Стал выспрашивать он морянушку:
— Ты скажи, скажи, морянушка,
Чьего ты отца-матери?
Сказала же морянушка разбойникам,
Чьего она роду-племени.
Старший брат стал будить разбойников:
— Вы вставайте, братцы милые!
Убили мы зятя милого, морянина,
30 Племянничка же в воду бросили,
Сестрицу же родную в полон взяли!
Все братцы созналися,
Расплакались-разрыдалися,
Все вместе собралися,
Разбой бросили, сами в монастырь пошли
С сестрой же милой распрощалися.

№ 15

- Во селе было Воскресенским,
Гостила тут гостья дальняя,
Гостья дальняя, чужестранняя,
Чужестранняя из Симбирского.
Не гостя, гостья стосковалася,
Из гостей рано подымалася.
Как зараньце ее сердце чуило,
Что просватал ее сударь батюшка,
Запоручила родимая матушка
10 Как не за князя, не за барина,
Не за того ли сына гостиного,
Как за того ли вора-разбойника,
За того ли плута-мошенника.
Как со вечера вор коня седлает,
Ко полуночи вор со двора съезжает,
Ко белой заре вор на двор въезжает:
— Ты встречай меня, встречай, мблода,
Принимай коня умочёного,
Меня, доброго молодца, утомлённого.
20 Цветно платьице перкровлённое
Ты поди мыти на Дунай-реку,
Ох, мой платье, не разворачивай!
Дунай-река всколыхнўлася,
Цветное платье развернулося,
А я, млада, испужалася.
Рубашечка пестредїная
Моего братца родимого,
Золот перстень-то невестушкин.
Я пришла домой, слезно заплакала,
30 Во слезах-то я слова не промолвила.
— Ох, душечка, мил сердечной друг!
Али в лесе тебе лесу не было?
Или в людях тебе людей не было?
Срубил ты дерево любимое,
Потерял шурина милого,
Моего братца родимого!

— Ох, глупая молода жена,
 Молода жена, неразумная!
 Первая встреча не встречается,
 40 Отцу и матери не спускается.

№ 16

Перепелка-пташечка
 Примахала крылышки
 По полю летаючи,
 Сокола искаючи.
 Душа красна девица
 Приплакала глазыньки
 По милыем по дружке.
 Молодец казанец,
 Душа астраханец,
 10 Молодец красной девице
 Смеяться стал:
 — Не сиди, красна девица,
 Позд(н)о в тереме одна
 На кровати у окна,
 Не шей, красна девица,
 Полотняны пологá:
 Мне в этих пологáх
 Не спать, не сыпать.
 Спать мне, доброму молодцу,
 20 На Волге-реке,
 Целовать-миловать
 Волгу-матушку реку.
 Трепать доброму молодцу
 Веслом по воде.
 Красна девица на это прогневалась:
 — Ах ты, сукин сын, каналья молодец!
 Я сама тебе эту насмешку отсмею.
 Возьмите его, шельму, приведите ко мне
 Я из рук, из ног кровать сделаю,
 30 Из могучих костей его стул согну,
 Из горячей его крови вина насижу,
 Из буйной головы серéбряну ендóу,
 Из ясных очей позолóчены чары,
 Из белого тела пирогов напеку,
 Из ярого сала свеч налью.
 Созову-то я, девушка, подруженек своих.
 Созвавши, я их буду потчивать,
 Буду потчивать, приговаривать:
 — Покушайте, девушки, подруженки мои!
 40 Заганú я вам загадку не хитрú, не мудрú,
 Не хитру, не мудру, не отгадливую:
 Я на милыем сплю и на милыем сижу,
 Из милого пью, милым потчиваю,
 Милой свечкой горит.
 Одна девица, родна сестрица его, догадалася,
 Залилась-заплакала.
 Как я тебе, братец, говаривала:
 — Оставь, братец, свои худыя дела.

№ 17

Черна ягодка смородинка
 Зеленёхонька полóмана,
 Во пучечки перевязана,
 По дороженьке разбросана.
 По той большой дороженьке
 Колесов ехал с товарищем,
 С ним Тоща, Мошка железный лоб,
 Мимо того села Загорина,
 К тому селу Шереметеву,
¹⁰ К тому двору ко майорскому,
 Ко майорскому, Шереметеву.
 Выходил майор со майоршею,
 Выносил свою золотú казну.
 Умоляли они разбойников,
 Умоляли и слезно плакали:
 — Ох вы гой еси, наши батюшки!
 Не жалеем свою золоту казну,
 Отдаем вам все богатство,
 Вы пустите нас на волен свет!
²⁰ — Господа вы, господа грозные!
 Хотелось было нам вашу кровь испить,
 Еще бог-то вас прощает всех.

№ 18

Мы пропилися, ребятушки, промотались,
 И в карточки и в косточки проигрались.
 Пойдемте-ка мы, ребятушки, на сине море,
 На сине море, на Черниговское.
 Мы станемте, ребятушки, на пристанище корабельное.
 Плывут-выплывают два корабличка,
 На корабличках удалые добрые молодцы,
 Добрые молодцы, все разбойнички.
 Мы вскрикнем-взгаркнем громким голосом:
¹⁰ — Вы возьмите нас, братцы, во товарищи.
 У нас не стало атаманушки.
 — Нам нельзя вас взять во товарищи.
 Мы выберем из вас атаманушку!
 Тихохонько сине море становилось,
 Оно тоненьким ледочком покрывалось.

№ 19

Ах ты, батюшка Яик-река,
 Яик-река пребогатая!
 Ты быстро бежишь, глубоко копашь,
 Посреди себя становишь славные острова.
 На славных на островах
 Козаки дуванушки раздувалили.
 Доставалось добрым молодцам по пятисот рублей.
 Одного доброго молодца задувалили:
 Доставалась доброму молодцу красная девица,
¹⁰ На девице кунья шуба во пятьсот рублей,
 Жемчужное ожерельеце во тысячу.
 Сама я, красна девица, в барышах пришла.

№ 20

Запромыл да пробил батюшка Урал-река все горы высокия,
Он до самого до синя моря, до моря Скарпицкого,
Посередь-то тебя, Урал-речка, лежит бел-горюч камень,
А под камешком под горючием живут добры молодцы,
Всё воры, всё разбойнички.

А на камешке на горючием постлан шелковой ковер,
А на коврике на шелковом лежит золотá казна,
На казне-то сидит на серебряной красна девица.
А со вечера разбойнички думу думали.

- ¹⁰ На боку-то я, добрый молодец, у вас первый был,
На делу-то меня, добра молодца, приобидели.
Вы возьмите всеё золоту казну,
А отдайте мне красну девицу.

№ 21

Кукушечка соловушка журила-бранила:

— Ах ты глупая, неразумная птичка соловейко!
Ты не вей, ты не вей тепла гнезда при большой дороге,
Ты свей, ты свей тепло гнездо при большой долине,
Там никто твою тепла гнезда не разорит,
Никто малых детушек твоих не разгонит.
У Троицы у Сергия было под горою,
Стояла тут срублена темная темница,
Никто-то к той темнице не зайдет и не заедет.

- ¹⁰ Одна-то заехала ко мне матушка родима,
Поплакала-потужила и добра молодца благословила.

№ 22

Все мои леса порублены,
Все мои братцы на волюшке живут,
Один я, Ванюшка, в неволюшке,
В белой каменной тюрьме
За немецкими цепями,
За железными дверьми!
Стало солнышко на всход,
Повели Ванюшку на сход.
Наперед-то Ванюшки палач с плетью,

- ¹⁰ Позади Ванюшки жена с детьми,
По правую сторонку
Отец с матерью идет.
Возговорит Ванюшка
Своим громким голоском:
— Ах ты, матушка родна!
Снимай с меня ключи,
Отпирай-ка, матушка,
Дубовы ларцы.
Вынимай-ка, матушка,

- ²⁰ Золотой казны.
Подари-ка ты, матушка,
Злого Дмитрия палача.
Злой-то Дмитрий сечет,
С спины кровь ключом течет.

№ 23

Ох ты, братец, мой братец, родной батюшка!
 Либо выкупи меня, братец, либо выручи.
 Не жалей ты мне, братец, золотой казны.
 Как на камешке было, братец, на горячем,
 Не огонь горит не смола кипит,
 Закипело у молодца сердечушко.
 Сбереги ты мне, братец, малых детушек.

№ 24

Не могли на молодца
 Отец и мать наглядетися
 И род-племя на удалова насмотретися.
 А ноньчи молодцу не стало времечка,
 Сбивают молодца
 Отец и мать со двора долой.
 Заплакал жа доброй молодец
 Таково горько,
 Берет доброй молодец
¹⁰ Уздечку шелковую,
 Пошел же добрай молодец
 На конюшей двор
 Во тое ли конюшню во середнюю,
 Обратал он конечка что не лучшева,
 Садится он на добра коня,
 На добра коня богатырского.
 Возговорит ему родна сестрица:
 — Ах ты гой еси, родимой брат,
 Подъешишь ты ко быстрой реке,
²⁰ К Черной реке к Сомородине
 Уж и есть ли на речушки три моста,
 Три моста калиновы.
 На первой мост тебе ехати —
 И тут тебе не проехати,
 Обронишь ты шляпу черную с алой лентою.
 На другой мост ехати —
 И тут тебе не проехати,
 Обронишь ты саблю вострую.
 На третий мост ехати —
³⁰ И тут тебе не проехати,
 Обронишь ты, добрай молодец,
 Свою буйну голову.
 Заплакал добрай молодец
 Каково горько,
 Поехал он, добрай молодец,
 К своему родимому батюшки
 И к родной матушки на широкой двор
 И стал просить у них великое благословленьце:
 — Ох ты гой еси, родимой батюшка,
⁴⁰ И ты, сударыня матушка,
 Дайте великое благословленьце.
 — Бог благословит тебя, доброго молодца.
 Поехал добрай молодец во чистое поле
 К черной реке Сомородине,

КАЗАЧИЙ ЛАГЕРЬ

Акварель А. О. Орловского, 1820-е годы

Картинная галерея, г. Краков

Ответ держит черна речушка добру молодцу:
Переедишь ты, доброй молодец, во чистое поле.

№ 25

Растужутся-расплатутся добры молодцы, донски казаки,
По своей-то, братцы, по сторонущке:
Сторона ль ты наша, сторонущка, славный Тихий Дон!
Еще как-то нам свою сторону забывать будет?
Оставалось на Тихом Дону у нас три зазнобушки:
Еще первая-то зазнобушка — родной батюшка,
А другая-то зазнобушка — родна матушка,
А третья-то зазнобушка — молода жена
С малыми с детками оставалася.

№ 26

Мимо моего раззеленого садочка,
Что козацкого развысокого теремочка,
Пролегала тут дороженька небольшая.
Вдоль дороженьки бежит речунька слезовая,
А по речушке бежит струинька.
По большой же по дороженьке все едут казаки,
Они старые и средние слезно плачут,
Один из них млад казаченька, он не плачет,
Всех казаченьков утешает,
¹⁰ Про фатерушку казаченька поминает:
— Ты, фатерушка новонанятая!
На фатерушке стоит матушка моя родная.
Возле речушки той слезовой

Вырастало тут деревцо кипарисное,
 А на деревце кипарисовом
 Разунывная сидит пташечка соловушек,
 Он казаченьков утешает,
 Он в своих песнях казаченьков выпрашивает:
 — Господа донски козаченьки! А где у вас дома?
²⁰ — Наши дома — круты горы, широки раздолья.
 — Господа только казаченьки, а где ваши сестры?
 — Наши сестры сабли востры, с нами во походе.

№ 27

Мимо батюшкиного раззелененького было садочка,
 Мимо матушкиного высокого теремочка,
 Протекала тут быстра реченька, речка слезовая.
 Как на реченьке бежит струюшка кровавая.
 Тут шли-прошли казаченьки молодые.
 На конях сидят добры молодцы, сами плачут:
 Один-то, один добрый молодец-от не плачет,
 Тяжелехонько воздыхает,
 Про фатерушку добрый молодец вспоминает:
¹⁰ Ты фатера моя, фатерушка нова нанятая!
 Я стоял на тебе на фатерушке ровно три годочка,
 Показалось мне, доброму молодцу, за три денечка.

№ 28

Как у нас то было во городе Астраханском,
 Сбиралася-снаряжалася грозная тученька,
 Грозная тученька и грозная высылка,
 Что круг славного круглого острова.
 В острову добрые мблодцы догадалися,
 И в легкия красныя лодочки покидалися.
 Что из них один добрый молодец оставаться стал,
 Что есть лучшего из войска атаманского,
 Ото сна-то добрый молодец просыпается,
¹⁰ Со великого похмельица пробуждается.
 Берет он свою турочку-ружейце, на плечо кладет.
 Пошедши добрый молодец вдоль острова,
 Заливается он горючьми слезми,
 Вынимает он из карману гарнитуровый платок,
 И утирает горючие слезы.
 И возговорит громким голосом своим товарищам:
 — Не покиньте вы меня, молодца, при бедности
 Замену я ваши головушки животом своим,
 Животом своим, грудью белою,
²⁰ Грудью белою молодецкою.

№ 29

Как далеченке-далече в чистом поле,
 Что еще того подале во раздольице,
 Как не белая березынька к земле клонится,
 Не шелковая ковыль-травынька расстилается;
 Как не ясен огонечик загорается,
 Как у огничка разостлан бел шелков ковер;

- Как на ковричке лежит удалый добрый мѳлодец,
Избит и израненный,
Припекает свои раночки кровавые.
- ¹⁰ В головах стоит у молодца его чуден крест.
По правую рученьку лежит у него сабля острая,
А по левую руку булатный нож.
На груди-то лежит у него тугий лук,
А ко четырем сторонушкам кленовѳя стрелы;
А в ногах стоит у мѳлодца его добрый конь.
Задумал добрый мѳлодец жениться,
Дрѳженькой был у мѳлодца его чуден крест,
А свахынькой у молодца сабля острая,
Тысяцким был у молодца его булатный нож,
- ²⁰ В поезду-то был у молодца его тугий лук,
Его тугий лук и каленныя стрелы.
И закладывает добрый молодец своего добра коня.
Что возговорит конь-лошадь добрая:
— Ой ты гой еси, удалый добрый молодец!
Ой, ты встань, проснись-пробудись, отецкий сын!
Я бегу-лечу на твою родимую сторонущку.
Ты скажи своему батюшке поклон,
А родимой матушке низкой поклон до земли.

№ 30

- Туманы мои, туманушки!
Не сойдти-та вам, туманушки,
Со синя моря долой,
Не сойти тоске-кручинушке
С ретива сердца долой.
Что вечер-то мне, добру молодцу,
Мне малым-мало спалось,
Мне малым-мало спалось,
Много виделось во сне.
- ¹⁰ Будто я лежу, добрый молодец,
На Саратовской степи,
Сквозь ребер и суставчиков моих
Шелкова трава растет,
Сквозь ретивого сердечушка
Лаворев цвет цветет.
Прилетали ко мне
Трое черны ворона,
Хотят клевать
Тело белое мое.
- ²⁰ Вы не клюйте, черны вороны,
Тело белое мое,
И так мое тело
Завалялось по степи
Полетите, вороны,
На родиму сторону,
Скажите моему батюшке
Нижайший поклон,
Сударыне матушке
Челобитье от меня.
- ³⁰ Еще ей скажите,
Что женился молодец,

Уж взял я, добрый молодец,
Чисто поле за себя,
Я в приданое взял
Все зеленые лузья.

№ 31

Дуброва моя зеленая!
Ничем ты, дубровушка, не порбчена,
Всем ты, зелена, изукрашена:
И долами и всеми раздольями.
Во тебе, дубровушка, есть полянушка,
Во той во полянушке част ракивов куст,
Во том ли во кустике кубанчик стоит,
Во том ли во кубанчике огонек горит,
Он горит-горит, вон выпыхивает.
¹⁰ Под теми ли под кусточками молодец лежит,
Он лежит убит, весь израненный,
Пятьдесят ран с одной ранюю.
В головах стоит конь-добра лошадь,
Копытечком бьет, сама прочь нейдет.
— Ох, ты встань-проснись, хозяин мой ласковый,
Пробудись, мой расприветливый!
Ты пусти меня в зелены лузья,
В зелены лузья, в шелкову траву,
Шелкову траву есть, ключеву воду пить.

№ 32

Не былинушка во чистом поле зашаталася,
Зашатался-загулялся добрый молодец,
На своем ли я на добром коне богатырским,
Я на войлочке на бумажном,
На седеличке на черкасском.
Ах, подъехал добрый молодец ко синю морю,
Закричал он громким голосом:
— Еще есть ли у нас на синем море перевозчики?
Перевезите меня, доброго молодца, на свою сторону,
¹⁰ На свою меня на сторонущку, на святую Русь,
Схороните меня, доброго молодца, между трех дорог,
Промеж Питерской, Московской, третьей Киевской!

№ 33

Не былинушка в чистом поле зашаталася,
Зашатался-загулялся добрый молодец.
Пришатнулся добрый молодец ко синю морю,
Он возгаркнул, он воскликнул громким голосом:
— Есть ли же на синем море перевозчики?
Перевезли бы меня, молодца, на ту сторону,
На ту сторону, на святую Русь,
Причастили бы молодца и исповедали,
Схоронили бы доброго молодца промеж трех дорог,
¹⁰ Против Питерской да Московской, третьей Киевской.
В головах бы положили золот чуден крест,

В ногах бы поставили ворона коня.
Старый поедет, помолится,
Молодой поедет, потешится.

№ 34

- Как далеченько-далече в чистом поле,
А еще того подале в раздольице,
Как не белые снежечки забелелися,
Забелелися солдатские палатушки.
Соезжались генералы и фельдмаршалы,
Молодые полковые полковнички.
Оне думали думу крепкую заединое.
Один у них добрый молодец отшибался,
Заслужённый князь.
- ¹⁰ Уже вздумал добрый молодец на свою сторону.
Приезжает добрый молодец ко Неве-реке.
Он вскричал-взгаркнул громким голосом:
— Есть ли на Неве-реке перевозчики?
Перевезли бы меня, доброго молодца, на тоё сторону.
За перевоз с меня возьмите пятьдесят рублей,
Если мало вам покажется, отдам сто рублей,
Я еще отдам со правой руки свой золот перстень,
С дорогим камешком со яхонтом.
Переехавши, добрый молодец стал кончатися,
- ²⁰ Перед кончиной стал наказывать:
— Положите меня, братцы, между трех дорог,
Между Киевской, Московской да Черниговской,
В головах моих поставьте страшен чуден крест,
По праву руку положите мой тугий лук,
По левую сторонushку каленую стрелу,
Во резвых ногах поставьте коня доброго,
На белую грудь положите знамя царское.
Он на знамя царское насмотрится.
Воевал-служил добрый молодец
- ³⁰ Ровно тридцать лет.
Естьли кто пойдет гулять в чисто поле,
На чуден крест богу намолится,
На моем ли на добрым коне нагуляется,
Моим тугим луком настреляется.

№ 35

- Зашатался-загулялся добрый молодец
На своем ли на добром коне богатырским,
На седеличке на черкасском,
На войлочке на пуховьем,
На стременичке позолоченном;
А подпруги все шелковые.
Пришатнулся-прикачнулся добрый молодец
Ко синю морю ко Хвалынскому.
Он воскрикнул и возгаркнул громким голосом:
¹⁰ — Ой вы гой еси, братцы перевозчики!
Перевезите вы меня, молодца, на ту сторону,
Бы возьмите с меня, молодца, ровно пять рублей,
Коли мало вам, добрые молодцы, покажется,

Вы возьмите со правой руки мой золот перстень,
 Вы преставьте меня на свою сторону,
 Ко своему ли отцу-матери.

№ 36

Шел молодец дорогою,
 Шел дорогою, шел широкою,
 Пристигала молодца темна ноченька.
 — Где мне ноченьку ночевать будет?
 Ночевать ночку во темном лесу,
 Во темном лесу, во сыром бору,
 Во сыром бору под сбсною,
 Ах, под сбсною под зеленою,
 Под зеленою, под кудрявою.
 10 Припаду я ко сырой земле,
 Припаду я, послушаю,
 Не стонет ли мать-сыра земля,
 Не гонят ли погоню за мной,
 Во погонюшке родной батюшка,
 Не плачет ли родна матушка,
 Не тужит ли молода жена,
 Молода жена, малы детушки.

№ 37

Корчемка, корчемка, корчма тонкая,
 Корчма тонкая, польская!
 Стоишь ты на крутой горе,
 На крутой горе, на всей крбсоте.
 Во той во корчемке шинковка сидит,
 Шинкует шинковка пивом и вином,
 Пивом и вином и третьим медом.
 У той у шинковки три молодца пьют:
 Туляк, да поляк, да третий казак.
 10 Поляк пиво пьет, червонцы кладет,
 Туляк мёды пьет, монисты кладет,
 Казак вино пьет, ничего не кладет.
 Зовет он шинковку с собой на Дон жить:
 — Пойдем ты, шинковка, со мной на Дон жить.
 У нас на Дону не по-вашему,
 Не ткут, не прядут, хорошо ходют.
 Повел он шинковку во темны леса,
 Привязал шинковку ко сухой сосне,
 Зажигат сосенку со вершинушки.
 20 Сосенка горит, шинковка кричит:
 — Ах, ты батюшка, млад донской казак!
 Ты не жги меня, пойду за тебя.

№ 38

Из-за леса, леса темного
 Не бела заря занималася,
 Не красно солнце закаталосся,
 А бежит-спешит скорый посол,
 Скорый посол, молодой солдат,

НА КРАЮ ДЕРЕВНИ

Картина неизвестного художника (масло), 1-я половина XIX в.
Третьяковская галерея, Москва

Молодой солдат, полковой сержант.
 На головушке он указ несет,
 Во правой руке челобитьице,
 У ключа было у гремучего,
 10 У колодезя у студеного,
 Красна девица воду черпала,
 Тут донской казак коня поил,
 Он коня поил, речь возговорил
 Про родимую про сторонущку.
 Красна девица речь возговорила:
 — Ты, раздушенька, донской козак!
 Ты возьми-возьми за себя меня!
 — Мне нельзя тебя за себя взяти.
 Мы вечер поздно со бою пришли,
 20 Уж мы билися-рубилися,
 Сабли вострыя притупилися,
 Белы ручушки опустилися,
 Троя суточки не пиваючи, не едаючи,
 Со добрых коней не слезаючи.

№ 39

Говорил милый, наказывал,
 Наказывал-приказывал:
 Живи, любушка, смирнехонько,
 Смирнехонько-тихохонько.
 Я наказа его не послушала,
 Со иным с дружкой поводилася.

Поводёмши, разбранилася,
 Разбранёмши, стала плакати,
 Во слезах я слово молвила:
¹⁰ — Ты взойди-взойди, милый, в горенку,
 Погляди, милый, в окошечко,
 В окошечко во косящето.
 У нас де на дворе есть несчастье,
 Есть несчастье — туман с росой,
 Есть туман с росой, со частым дождем.
 Есть у девушки, есть зазнобушка,
 Зазнобушка детинушка,
 Детинушка солдатский сын
 Зазнобил сердце у девушки,
²⁰ Зазнобив сердце, сам в поход пошел,
 Да в поход пошел в ину землю,
 Он в ину землю, в шведскую,
 Во шведскую, во турецкую.

№ 40

Шел детинушка дорогою, шел широкою,
 Пристигает его темна ноченька,
 Темна ноченька осенняя,
 Осенняя, распоследняя.
 — Где мне ноченьку ночевать будет?
 Ночевать мне, молодцу, во сыром бору,
 Во сыром бору под сосною,
 Под сосною под кудрявою.
 Не дубравушка шумит-шумит,
¹⁰ Зеленая сосна шатается,
 Добрый молодец печалится,
 Он печалится-кручинится,
 Горючьми слезми заливаётся.
 — Не шатайся ты, моя зелена сосна,
 Не печаль ты меня, доброго молодца!
 Не сам-то я под тебя зашел,
 Занесла-то меня неволюшка,
 Неволюшка — служба царская.
 Нет-то на службу охотничков, все невольнички

№ 41

Горька-то, горька в чистом поле полынь-трава,
 Еще горчее солдатускам служба царская.
 Что ни день-то, ни ночь нам угомону нет.
 Пристоялися наши ноженки ко сырой земле,
 Пригляделися наши глазыньки на сине море.

№ 42

Мурталитка-вор нерусской,
 Он состроил корабль русской,
 В Петербурге планы снял,
 Ему дорог корабль встал.
 Он и строил против башни,
 Постановил на три мачты,
 Чисто, хватско приластил,

Корабль на воду пустил,
 Каталаж весь наложил,
¹⁰ Блоки медью обливал,
 Нас, мазуров, нанимал.
 Скоро хваты собрались,
 Чисто корабль убирали,
 Чисто корабль убирали,
 Мы хозяину сказали.
 Нам хозяин говорил:
 — Да не полно ли вам вино пить?
 — Пьем мы водку, пьем мы ром,
 Сами в Персию пойдём.
²⁰ Нам лоцман говорил:
 — Вы садитесь, богу молитесь.
 Мы по парускам садились,
 На восход богу молились,
 Мы за аншпили брались,
 Мы за аншпили брались,
 Скоро с якоря снялись.
 Сейчас лоцман к рулю встал,
 Музуров к парусам послал,
 На носу Музура был вечной,
³⁰ Он увидел ветер встречной,
 Кричит дяде голосом,
 Видит песок под носом:
 — Уж ты, дядя, долгой нос!
 Прикажи подать завоз.
 Подашничком работали,
 В году праздничков не знали,
 Домой в Персию пошли,
 У нас празднички пришли.

№ 43

Как вольная пташечка перепёлка,
 Куды она захотела, туды полетела.
 Садилася вольна пташечка при долине
 На белую березу.
 Сломлю я, сломлю со березы вершиночку,
 Приложу я вершиночку ко белёй груди.
 Не батюшка, не матушка меня замуж отдали,
 Что сама-то я, красна девица, замуж вышла,
 За вольного за детинушку за бурлака.
¹⁰ Сказали, у бурлачиньки денег много,
 А только у бурлачиньки денег три полушки.
 Бурлак-ат пашню не пашет, а сыт бывает.
 А только у бурлачиньки и веселья,
 Что вязовая дубиночка на ремешке.

№ 44

Слобода ль ты моя, слободушка!
 Слобода ль ты моя новая,
 Моя новая, подмосковная,
 Подмосковная, разореная!
 Не сама ты, моя слободушка, разорилася,

Разорил-то тебя лихой староста,
 Лихой староста с вором выборным,
 С вором выборным и со прикащиком.
 Не за сто рублей, не за тысячу,
¹⁰ За одноё-то только за безделицу,
 За безделицу — красну девицу,
 Красну девицу Катеринушку.
 Катеринушка собой была умна,
 Всё именьице принимать была смела,
 А после стала насмехаться:
 — Каково ваше именьице?
 Казне я своей дивовалася,
 Объявить миру опасалася,
 От кого такая казна доставалася.
²⁰ Доставалась казна от лихова старосты,
 От старосты и вора выборного,
 Вора выборнова, от шельмы прикащика.

№ 45

Бежит речка по песку
 у! у! у!
 Во матушку во Москву,
 Ко фабричному двору.
 А фабричные ребята,
 Хоть голы, удалы:
 На ногах кандалы.
 Люди мудреные,
 Принапудренные.
¹⁰ Они ткут платки-салфетки
 На разныя клетки, клетки,
 Они сукны ткут
 Во двенадцать штук, штук;
 У них денежки в кармане,
 А рубли-то по кошнам
 С нами, с нами.
 По ночам деньги гремят,
 Они спать не велят,
 Во кабаке идти велят.
²⁰ Мы подходим к кабаку,
 Целовальник на боку,
 Целовальник-маркитант,
 А по отчеству Иван.
 Отворяй новый кабак!
 Мы идем к тебе не так:
 Тесем шубу под заклад;
 Ны бери шубу скорее,
 Наливай вина полнее!
 Мы ударим брата в ухо,
³⁰ Наберемся его духа.

№ 46

Найди горюшко на того тоска, на мово дружка,
 На мово дружка, на сердечного,
 На сердечного, не на здешнего,

Не на здешнего, на зарецкого,
 На зарецкого, кого я люблю.
 Кого я люблю, с тем гулять пойду.
 С тем гулять пойду, на завод зайду.
 Вы, заводы мои, заводушки,
 Вы, заводы мои, тобольские,
¹⁰ Вы, тобольские заводы, московские!
 Завела завод, не докончила,
 Не докончимши, за гульбой пошла,
 За гульбой пошла, себе чадо вынесла,
 Чадо вынесла, сына-мальчика!

№ 47

Как во келийке монашинка спасается,
 По три раза в день напивается.
 Как к обедни зазвонят,
 Так чернец идет в кабак,
 Он и рясу пропивает,
 И каблук свой закладает.
 Целовальник не примаает,
 Чернеца в шею толкает:
 — Поди, поди, кавалер,
¹⁰ Казначей пить не велел.

МОНАХ, НЕСУЩИЙ В СНОПЕ
 ДЕВУШКУ

Скульптура (фарфор завода
 Храпунова),
 1830-е годы

Исторический музей, Москва

Поди, в келейку пора,
 Не запёрты ворота.
 — Я в келью не пойду,
 Лучше в рощицу найду.
 В роще девки грибы брали,
 Чернеца там не видали.
 Доходили до конца.
 Увидали чернеца
 Девки песенку запели,
²⁰ А чернец пошел плясать.
 С ноги на ногу монашюшка попрыгивает,
 Про свое житье-бытье рассказывает:
 — Да не дай, боже, спасаться молодому чернецу.
 Не велят-то чернецу в кабак часто ходить,
 А еще же не велят красных девушек любить.

№ 48

Против солнца на востоке
 Монастырь в роще стоит с новой келейкой.
 Тут во келейке монашюшка спасается,
 В день по двожди, по трожди напивается.
 Как к обедни зазвонят,
 А монашюшка в кабак идет,
 Целовальник не при<ни>мат,
 Чернеца в шею толкат.
 — Поди прочь, калувер,
¹⁰ Казначей пить не велел.
 Поди, в келейку пора,
 Не запёрты ворота.
 Чернец говорит,
 Свою келейку бранит:
 — Чем мне в келейку идти,
 Лучше в рощицу зайти.
 В роще девки грибы брали,
 Чернеца в глаз не видали.
 Сходились девки в круг,
²⁰ И монах с ними тут.
 Девки песенки запели,
 А чернец плясать пошел.
 С ноги на ногу монашюшка попрыгиват,
 Про свое житье-бытье рассказывает.
 — Распроклятое житье монашеское,
 Распрекрасное житье красным девицам,
 Красным девицам и молодушкам.

Коллекция песен Н. М. Языкова, его братьев и сестер является одной из самых богатых в Собрании Киреевского. В нее входят материалы, записанные в Симбирской и Оренбургской губ., в местах, где в XVII—XVIII вв. развертывались грозные события крестьянских войн под руководством Разина и Пугачева. Это наложило известный отпечаток на все Собрание, в котором значительное место занимают представленные в настоящем томе песни о вольных людях, казацки, солдатские, бурлацкие, а также баллады. Многие из этих произведений, устойчивых по своему сюжетному составу, отличаются высокими художественными достоинствами. К ним относится знаменитая песня «Не шуми, мати зеленая дубравушка», которой открывается данная публикация. Приводим все варианты ее, сохранившиеся в записях Языковых, для того чтобы показать популярность песни и своеобразие разработки этого сюжета в народной традиции.

№ 1—5. ЛБ, ф. 125, п. 7, л. 2233; п. 55, лл. 2482 об.— 2483; ГИМ, ф. 56, св. 2а, лл. 1445, 1447, 1448. Песня упоминается В. К. Тредиаковским в «Мнении о начале поэзии» (1752), первая публикация: Чулков, ч. I, № 131; идентичный № 2 текст найден в рукописном сборнике, датированном 1767 г. Этот же текст у Пушкина в «Каштанской дочке» (гл. VIII) и первые две строки в «Дубровском» (гл. XIX). Часто встречается в песенниках начала XIX в. с приурочением к имени известного вора XVIII в. Ваньки Каина. Так она опубликована Бессоновым в *СС*, в. 9, стр. 73—75; *НС* № 2028. Однако это приурочивание песни встретило возражение в научной литературе: Лопатин — Прокуниц, стр. 177—183; Чернышев, стр. 411—413; Соб., т. VI, № 424—427. Принадлежность песни к народной традиции подтверждает ее широкая популярность в XVIII — первой половине XIX вв. в различных слоях русского общества. Записи Языковых показывают своеобразие вариаций песни. Особенно обращает внимание текст № 4, развивающий основной сюжет, и текст № 5, в котором традиционные калены стрелы, сабля, копыя заменены «ружьем огненным», «мелкими пушечками», «свинцовыми ядрышками». Такая замена позволяет отнести этот текст к разнским или пугачевским песням. Приводим напев по первой публикации в сборнике Рупина:

№ 6—7. ЛБ, ф. 125, п. 7, л. 2241; ГИМ, ф. 56, св. 2в, л. 797. Песня-баллада (Чернышев, стр. 114—117; Соб., т. VI, № 403—408). Исследователи отмечают ее популярность и наличие нескольких редакций; одна из ранних — см. «Русский фольклор. Материалы и исследования», т. III. М.—Л., 1958, стр. 361; Балашов, стр. 266.

№ 8. ЛБ, ф. 125, п. 5, л. 1710. Относится к циклу песен о русских девушках-половняках. Близкий вар. обнаружен в архиве Шейна («Исторические песни XIII—XVI вв.», № 20). Там же с таким зачином, но иным развитием сюжета вар., записанный Б. Потаниным (№ 19), засвидетельствовавшим распространение песни по всему Иртышу до Семипалатинска. Свообразие данного текста в том, что турки (в других вар. преследователи не названы) не могут догнать девушку, хотя и похваляются, что растерзают ее.

№ 9—10. ЛБ, ф. 125, п. 55, лл. 2483—2484 об.; ГИМ, ф. 56, св. 2б, л. 542. Первый текст записан П. М. Языковым в с. Головине Симбирской губ., о чем он сообщает в письме к брату Александру 25 июля 1838 г. (ИРЛИ, ф. 348, 19.4.138). В основе песни — исторический факт столкновения казаков с башкирами; записана от талантливого сказителя, умело использовавшего общепризнанные места эпической поэзии, как видно из сравнения с другими вар.: *НС* № 2408, 2423, 2457. Все указанные тексты — из собрания Языковых, что свидетельствует о распространенности песни в Поволжье и в Оренбургском крае.

№ 11. ЛБ, ф. 125, п. 55, л. 2486 об. Из тетради песен, записанных П. М. Языковым в с. Головине Симбирской губ. Оригинальная песня об освобождении Петром I молодца из неволи.

№ 12. Там же, лл. 2499 об.— 2500. Из той же тетради П. М. Языкова. Редкий вар. песни, сохранившей отголосок борьбы казачества на восточных рубежах русской земли.

№ 13. Там же, л. 2476—2476 об. Текст интересен зачином, обычным для былины о Ставре Годиновиче, до сих пор не известной в записях из средней и южной полосы России. Контрастируется с балладой о муже, погубившем жену, популярной в народной традиции. См. Чернышев, коммент., стр. 444—447; Балашов, стр. 381—384.

№ 14. ЛБ, ф. 125, п. 44, лл. 1168 об.— 1169. Баллада, известная до нашего времени во многих вар. Встречается среди записей Пушкина (настоящ. том, № 3). Обзор вар. — Астахова. Былины Севера, стр. 553—555.

№ 15. ЛБ, ф. 125, п. 7, л. 2168. Баллада. Впервые: Чулков, ч. I, № 139; Соб., т. I, № 196—213. Обзор вар.: Чернышев, стр. 406; Балашов, стр. 391. Последние строки баллады указывают на старинный обычай разбойников убивать первую встретившуюся жертву («первую встречу»).

№ 16. ЛБ, ф. 125, п. 19, л. 4844. Песня-баллада, известная во многих вар.: Соб., т. I, № 154—162; т. VII, № 737; *НС* № 2110.

№ 17. ЛБ, ф. 125, п. 7, л. 2245. Очень редкая песня, имеющая в основе исторические события крестьянской войны. В сборниках не встречается.

№ 18—20. ЛБ, ф. 125, п. 7, лл. 2193, 2166, 2167. Песни волжской вольницы; две последние балладного характера. Вар.: Соб., т. VI, № 372—378. Чернышев отмечает сюжетную близость этих песен-баллад к сказкам (Чернышев, стр. 409).

№ 21—23. ГИМ, ф. 56, св. 2, л. 587; ЛБ, ф. 125, п. 7, лл. 2209 и б. н. с пометой «ХХV». Песни тюремные. Вар.: *НС* № 1618; Соб., т. VI, № 482, 483, 494, 520—526.

№ 24. ЛБ, ф. 125, п. 55, л. 2457. Запись П. М. Языкова. Наиболее ранний и полный вар. этой песни в сб. Кириши Данилова (по изд. 1958 г., стр. 202—206 — «Когда было молодцу пора-время»). Там же обзор основных вар., стр. 619—620; см. также Соб., т. I, № 280—283. Текст из сб. Кириши Данилова цитировал Белинский, отметивший «поэтически унылый тон» песни (Белинский, т. V, стр. 400).

№ 25—28. ГИМ, ф. 56. № 29—36. ЛБ, ф. 125, п. 5, лл. 1786—1788; п. 7, лл. 2231, 2233—2234, 2236; п. 8, л. 2388. Большая группа песен посвящена воинской жизни казачества: сборам в поход, прощанию с семьей, бегству из плена и в особенности гибели молодца. Песни о тяжело раненом, умирающем молодце отличаются устойчивостью сюжета и текста. Ср. текст № 28 — Соб., т. I, № 382—383; текст № 29 — там же, № 412—419; тексты № 31—35 — там же, № 343—344; *НС* № 1895, 2873. Художественные образы и символика казачьих песен прослеживаются во множестве записей, вошедших в Собрание Киреевского, в том числе в записях Пушкина. Ср., например, мотив «речушки слезливой, струящей кровавой» в песне, записанной Пушкиным (в настоящ. томе, № 14) с аналогичными образами в песне № 27 коллекции Языковых и др.

№ 37. ЛБ, ф. 125, п. 8, л. 2383. Песня-баллада. Вар.: Соб., т. I, № 216—225. Обзор вар. и анализ сюжета у Чернышева, стр. 375—376, который считает, что «песня сложилась в условиях войны и национальной вражды» (стр. 375); Балашов, стр. 270.

№ 38 и 41. ГИМ, ф. 56. № 39 и 40. ЛБ, ф. 125, п. 5, л. 1866; п. 8, л. 2386. Солдатские песни; некоторые из них близки к казачьим, чем объясняются контаминации, например, № 38, ср. *НС* № 2717. В солдатской, как и в казачьей, среде распространена лирическая песня № 38, вар.: *НС* № 1696, 2104, 2873; Соб., т. V, № 217—219. Особенной популярностью пользовались песни о тяготах солдатской службы — № 39—40; вар.: *НС* № 2692. Обращают внимание последние ст. песни № 40: «Неволюшка — служба царская. Нет-то на службу охотничков, все невольнички».

№ 42. ГИМ, ф. 56, св. 2а, л. 1370. Матросская песня. Ср. Соб., т. VI, № 345—346.

№ 43. ЛБ, ф. 125, п. 7, л. 2205. Волжская бурлацкая песня. Первая публикация: Чулков, ч. II, № 174; Соб., т. II, № 396—397.

№ 44. ЛБ, ф. 125, п. 5, л. 1747. Песня известна была только начальными ст., полный вар. встречается впервые. Приводим напев по сборнику Кашина, кв. II, № 5 (Соб., т. II, № 392):

Andante

Сло - бо - да мо - я ты, сло - бо - душ - ка
 [Сло - бо - да мо - я ты, сло - бо - душ - ка]

Ты, сло - бо - да моя под мос - ков - на - я
 [сло - бо - да моя под мос - ков - на - я]

Под - мос - ков - на - я, ра - зо - ре - на - я.

№ 45. ЛБ, ф. 125, п. 6, л. 2017. Вар.: Соб., т. VI, № 556—559. Одна из ранних записей песни рабочих мануфактур.

№ 46. ЛБ, ф. 125, п. 19, л. 4781. Распространенная песня, известная во многих вар.: *НС* № 1526, 1638, 1749; Соб., т. VI, № 238—241.

№ 47—48. ЛБ, ф. 125, п. 6, л. 2014. Сатирические песни. Вар.: сб. «Против церкви и религии», № 227—228; Соб., т. VII, № 345—348.